

Были ли обречены коллективные хозяйства второго поколения в Армении?

Исследование социальной структуры армянского села в рамках проекта Интерцентра длилось с 1991 по 1994 гг. В это время в армянском селе происходили широкомаштабные социально-экономические преобразования. То, что начало данного исследования совпало по времени с аграрной реформой, и мы стали свидетелями происходящих перемен, можно считать исследовательским везением.

В настоящем выступлении хотелось бы осветить один из вопросов проекта — о судьбах крупных сельскохозяйственных предприятий. Имели ли они будущее или же были обречены?

Радикальные реформы начались в Армении с приватизации в аграрном секторе. Осенью 1991 г. парламент республики приступил к созданию правового поля для земельной реформы. Обоснование необходимости преобразований вытекало из предположения о дальнейшей несостоятельности государственно-колхозной системы. Частная собственность на землю предлагалась обществу и крестьянам как самодостаточный и саморазвивающийся институт. Через полгода началась реализация проекта: вступил в силу Закон о земле, провозглашающий равноправие форм собственности, была проведена приватизация земли и колхозного (совхозного) имущества. Крестьяне получили возможность самостоятельно выбирать приемлемую для себя форму хозяйствования.

Дух "хозяина земли", который воспевался реформаторами как определяющий фактор для становления единоличного собственника, особо не спешил себя проявлять, и многие крестьяне, оставшись верными своему природному консерватизму, не воодушевились сразу неординарной и беспримерной идеей приватизации, решили не рисковать и не вышли из состава коллективов¹. По нашим наблюдениям, к началу реформы (весна 1991 г.) проявления лояльного отношения к форме коллективного хозяйствования остались

¹ Судьба колхозов (совхозов) зависела от решения общего собрания коллектива в случае, если ²/₃ от общего числа членов коллектива отдавали свой голос в пользу создания нового коллективного крестьянского хозяйства (ККХ), на базе колхоза создавалась такая организация, в случае недобора положенного количества приверженцев коллективной собственности, колхоз полностью расформировался и его собственность передавалась в частную собственность единоличных крестьянских хозяйств.

достаточно распространенными в среде крестьян. *Коллективные хозяйства второго поколения* были особенно популярны в районах, специализированных преимущественно на производстве зерновых и животноводстве. Но уже к осени картина стала заметно меняться: новообразованные коллективы друг за другом начали разваливаться (распадаться по принципу матрешки) и с каждым последующим годом эта тенденция все время усиливалась. К 1995 г. в Армении таких хозяйств осталось всего несколько, а сельское хозяйство в республике превратилось в совокупность разрозненных частных семейных хозяйств.

В чем же была причина *распада* нового коллективного института? Эта проблема представляется интересной как с практической, так и с научной точки зрения, и не просто как анализ одного из специфических итогов армянской реформы, но и как осмысление варианта возможного преобразования крупных сельскохозяйственных предприятий в других частях постсоветского пространства, где уже актуализировался или активно дискутировался вопрос трансформации аграрного сектора.

Механизм создания новых коллективных хозяйств

Коллективным крестьянским хозяйствам изначально было дано право решающего голоса в вопросе разделения колхозной собственности. Кроме земли, которая распределялась между сельчанами, по принципу уравнительности¹, все остальное имущество выносилось на продажу только после того, как коллектив определялся, что и сколько ему необходимо. Фактически получалось, что единоличник мог претендовать только на то, от чего коллектив отказался. Таким образом, коллективное крестьянское хозяйство становилось правопреемником колхоза, и почти все производственные мощности передавались (оставлялись) ему в собственность.

Заранее предполагалось, что коллектив будет иметь прогосударственную ориентацию, выполнять обязательства перед государством² лучше единоличника.

Процесс формирования новых коллективов, равно как и единоличных хозяйств, не был лишен разного рода издержек организационного плана.

¹ С учетом числа душ в домохозяйстве.

² Выплата в течение двух лет фиксированного процента от кадастровой стоимости земли, а после этого разница между реальной и кадастровой стоимостями; выплата в течение трех лет стоимости за живой вес приватизированного скота, заготовка продуктов животноводства по нормам, соответствующим среднему показателю фермы за последние 5 лет

Многие крестьяне, изъявившие желание стать единоличниками, не сумели быстро сориентироваться в открывшихся возможностях и предпочли не обременять себя "сомнительными" обязанностями, довольствовавшись лишь приобретением земли. Во многих селах мало кто шел на приватизацию скота (особенно, крупного рогатого): одни боялись предложенных при покупке цен за живой вес скота, другие — норм натуральных заготовок. А в ряде сел и без того немногочисленному потоку единоличников, "осмелившихся" взять скотину, организаторы акции навязывали обязательное количество поголовья (например, 5 голов), якобы, чтобы справиться с выполнением плана приватизации. Такое состояние дел вконец напугало неуверенного единоличника, и в некоторых селах приватизация скота оказалась под угрозой провала. Из этой ситуации было три выхода: оставлять неприватизированным поголовье в коллективной ферме; рассчитывать на то, что появится какой-нибудь "смельчак"¹, который согласится приватизировать все стадо; невостребованное поголовье вывезти и продать в других селах.

В процессе конструирования преобразований реформаторами не было учтено экспертное мнение руководителей хозяйств — наиболее компетентной части сельского сообщества, которые со своим опытом хозяйствования и планирования могли бы детально разработать предложения для реформы. Предполагалось, что эти "эксперты" будут против самой идеи приватизации и, естественно, не пойдут против своего личного интереса. Но не было учтено то обстоятельство, что отстраненные от процесса создания приватизационного механизма руководители хозяйств в самом процессе проведения приватизации неизбежно будут принимать наименее активнейшее участие. В процессе осуществления преобразований компетентные руководители старались подчинить закон своим личным интересам. Создавая на базе колхозов новые коллективные крестьянские хозяйства и возглавляя их, используя свое авторитетное влияние, в первую очередь, на своих недавних подчиненных — колхозников, они тем самым не только остались ключевыми фигурами, но и значительно усилили свои позиции, что позволило им в условиях слабого государственного контроля (а в некоторых местах полного бесконтролья) прибрать к своим рукам общественное имущество сверх положенного пая (это касается, в первую очередь, поголовья скота, производственных мощностей и механизации).

Сами же коллективные хозяйства создавались не на основе свободной кооперации частных производителей, а путем формаль-

¹ Например, сам председатель сельсовета, кто-то из его ближайшего окружения, сын председателя колхоза и т. д.

ной регистрации хозяйств невышедших из состава коллектива, которым придавался статус членов новой организации. Коллективное крестьянское хозяйство обычно представляло просто сокращенный вариант прежней колхозной организации, что в действительности оказалось автоматическим копированием старой колхозной модели с ее сетью старых связей и взаимоотношений. Это привело скорее не к получению желаемого предприятия улучшенного качества, а, наоборот, к неудачной карикатуре на колхоз. Проявлялась инерция работы по-старому. "Прогосударственная" ориентация, все старое окружение и среда, как материализация укоренившейся традиции, являлись напоминанием старых "добрых" порядков и стимулировали возврат к привычке, несмотря на то, что теперь ККХ не был элементом единого народнохозяйственного комплекса и отсутствовали госснабжение и госзаготовки. В вопросах организации работ, взаимоотношений руководителей и подчиненных действовал уже годами налаженный механизм. "Коллективное крестьянское хозяйство" в этом отношении стало лишь раскрытием аббревиатуры "колхоз" и не принесло с собой новых принципов и правил организации. Оно воспринималось как колхоз, а отношение крестьян к нему сохранилось как к так называемому "госстраху", который:

трудоустроит и обеспечит зарплатой;

позволит крестьянину беспокоиться только о своем подсобном хозяйстве (за все остальное ответит коллектив);

даст гарантию, что "его" (паевый) участок будет засеян, а сам он, как и прежде, не будет нести ответственности, так как за него все сделают;

поможет в трудную минуту (например, при траурах — предоставление коллективом мяса по низким ценам; покупка дешевого молока из фермы и т.д.).

Лояльное отношение к коллективному хозяйству продолжало приводить к укоренению конформизма, отчужденности, воровства и иждивенчества. Член коллектива заботился только о своем личном подсобном хозяйстве, он был отчужден от всех проблем, которые находились за пределами его двора. С него сняли эту ответственность и он смирился с этим. В самом производственном процессе, как и прежде, каждый отвечал за свою узкую специализацию, за рамками которой опять доминировала позиция — "это не моя забота". Каждый имел ту или иную степень отчуждения и только председатель коллектива, как всегда, был наиболее включенным в хозяйственные дела, и от его подхода к выполнению своих функций зависела вся рабочая атмосфера жизни коллектива. Председатель пользовался полной легитимностью, которая утвердилась, благодаря сложившейся традиции: "Каков председатель, таков и колхоз". Нарушать традицию никто не стремился: каждый

жил как все, и такой порядок его вполне устраивал — если воровал председатель, то воровал и он, правда в меньших масштабах, в соответствии со своей диспозицией в структуре коллектива.

Таким образом, новое коллективное крестьянское хозяйство ассоциировалось со старым колхозом. Это обстоятельство, на наш взгляд, и стало в последующем одной из главных причин разложения новообразованных коллективов. Однако с появлением новых коллективов не сформировалась новая среда, в которой ответственный производитель, осознавший себя субъектом новых экономических отношений, был бы лично заинтересован в упорном труде и рациональном ведении хозяйства. Вместо этого в селе фактически был создан новый коллективный институт, как и прежде ориентированный на служение интересам ограниченного числа людей, но на этот раз тот, кто наживался, делал это *непосредственно за счет другого со-собственника*. Автоматическое превращение колхозника в "члена коллектива" со своим официальным паем (который был абстрактным и который он так и не ощутил своими руками) на самом деле было своего рода имитацией и не устранило отчужденность от этого же самого пая (крестьянину чуждо восприятие мира в абстрактных категориях, он традиционно склонен считать своим только то, чем непосредственно владеет; абстрактная же собственность для него, в принципе, отчужденная).

В итоге член коллектива по-прежнему не осознавал своих интересов. Он не стал и не осознал себя субъектом новой экономической среды, а остался прежним колхозником с установкой, что от коллектива нужно постараться по-возможности урвать как можно больше (инерция воровства из "безличностного общего котла"). К своей деятельности член коллектива не подходил с позиции со-собственника, поскольку самого восприятия своей доли в коллективной собственности у него не существовало. И, когда заведующий коллективной фермой, по воле председателя, продавал скотину, у члена коллектива была иллюзия, что продается не его корова (которую он не видел в глаза), а чья-то чужая. Но когда поголовье скота на фермах стало резко сокращаться, рядовой член коллектива обнаружил, что из первоначально причитавшегося ему поголовья крупного рогатого скота не остается даже одной коровы. Тогда, наконец, он осознал, что проведен, обманут и обделен, потому что "корова могла быть продана не по прихоти председателя, а только по решению собрания, а значит и с его позволения!" И тогда *потребительский конформизм*, который был удобен при наличии кредита доверия к односельчанину, начал быстро трансформироваться в свой антипод. Разочарованный коллективист стал озлобленным, агрессивным, начал в панике требовать от властей возвращения принадлежащего ему пая.

Разложение неколхозов

Социальную базу руководства коллектива образовали те слои, которые имели непосредственный доступ к "общей кормушке", кого связывал с предприятием "левый" натуральный доход. За бортом оставались те члены коллектива, которые образовывая данное предприятие, непосредственно не были приобщены к благам и ожидали лишь некоей "подачки" со стороны руководства в конце года. Именно эта обделенная категория членов коллектива со временем и разочаровалась в своем членстве, естественно желая покинуть коллектив.

Начался процесс размежевания в коллективе, а за ним и второй этап образования единоличных хозяйств. Этот этап качественно отличался от предшествующего. Он был менее абстрактным для тех членов организации, которые вначале поверили сторонникам коллективного хозяйствования и остались в составе коллектива, а теперь решили покинуть его ряды. У них перед глазами уже был пример соседа-единоличника, который еще год или два тому назад на свой страх и риск, но ради своего интереса, воодушевился неординарной идеей приватизации и который в конечном счете оказался в более благоприятных условиях. Положительный пример соседа, который стал образцом для подражания, теперь облегчал и ускорял принятие решения о выходе из коллектива. Но, на наш взгляд, определяющим фактором при отпочковании хозяйств от коллективов в большинстве случаев являлось разочарование в руководстве, которому они доверились по старой привычке и которое не оправдало их ожиданий.

Но развязки не всегда были мирными. Уже на втором году после формирования коллективов встречались факты, когда неудовлетворенность их функционированием разрешалась разгромами коллективных ферм и массовыми требованиями ликвидировать псевдоколхозы.

Таким образом, изначальное отсутствие осознания рядовыми крестьянами факта получения личной доли в коллективной собственности, тот факт, что они не стали и не восприняли самих себя в качестве субъектов новых экономических отношений, поставили под сомнение жизнеспособность армянского варианта аграрной реформы и сделали разложение колхозов второго поколения неизбежным.